

У Сунь Жу подкосились ноги от ужаса, но он из последних сил продолжал строить из себя непонимающего простофилю:

— Закон суров, и то дело давно закрыто. Согласно вековым традициям судопроизводства, повторное рассмотрение завершённых процессов не допускается. Задача, которую вы ставите предо мной, господин судья, мне совершенно не под силу.

Лэ Уя промолчал. Он лишь неторопливо прошел внутрь прохладной беседки и величественным движением расправил одежду, усаживаясь на скамью.

Ему даже не требовалось подавать голос, в каждом его жесте сама собой сквозила монументальная, врожденная стать истинного повелителя.

У Сунь Жу в коленях разлилась такая слабость, что ему стоило огромных усилий воли не поддаться внутреннему порыву и не рухнуть перед ним ниц.

Он низко опустил голову, и в его разуме сами собой всплыли жуткие деревенские предания о злых духах и мертвецах, которые ему в детстве рассказывала бабка.

Судья выглядел так... словно его телом завладел чужой могущественный призрак.

Однако времени на пустые страхи у него не оставалось.

Потому что Лэ Уя без лишних церемоний вытащил на свет его самые сокровенные мысли:

— Господин заместитель так отчаянно колеблется и боится навлечь на себя чужой гнев, уж не потому ли, что богач Чэнь крепко держит тебя за узду какими-то скрытыми уликами?

Эти слова окончательно сорвали с него последние остатки мнимого приличия.

Раз уж маски были сброшены, Сунь Жу больше не видел смысла притворяться дураком.

С богачом Чэнем они действительно вели дела на коротке, однако никаких расписок или писем, способных послужить прямым доказательством вины, заместитель никогда не оставлял. Обычно они просто выпивали вместе за закрытыми дверями, перекидывались парой слов — и дело было сделано.

Богач Чэнь, будучи цзюйжэнем, свято оберегал свою чиновничью спесь.

А потому именно Сунь Жу, пекшийся о собственной карьере, всегда сам изо всех сил стелился перед ним и лебезил, заискивая ради покровительства.

Заместитель судьи стиснул зубы и выдавил:

— Вовсе нет...

Лэ Уя протянул:

— О-о. Стало быть, вы с ним состоите в кровном родстве?

— ...Судья, прошу вас, довольно шуток.

— А я и не думаю шутить, — Лэ Уя по-прежнему держался на редкость расслабленно и вольно.

— Раз уж господин заместитель желает толковать по закону, давай потолкуем по закону.

Согласно уложениям нашей империи, если в ходе следствия вскрывается факт умышленного оговора, то клеветник несет карательные меры в точном соответствии с тем обвинением, которое он пытался сфабриковать против невинного.

— В этот раз клан Чэнь ради сокрытия собственных грехов умышленно обвинил невинного в мятеже. А значит, по закону о ложном доносе, их самих покарают за государственную измену. Все их имущество неизбежно конфискуют в пользу казны, сообщников отправят в ссылку, а главного виновника обезглавят... Ах, я ведь ошибся. Они ведь пытались подставить ученого мужа, а наш нынешний император превыше всего на свете ценит таланты.

Лэ Уя слегка потер подбородок:

— ...Тут и до четвертования недалеко.

Он перевел свой насмешливый взгляд на побледневшего как полотно Сунь Жу:

— И если бы ты оказался связан с этими людьми родством или общими делами, безвинно загубив собственную карьеру, разве не обидно бы вышло?

Сунь Жу с трудом выдавил:

— Судья, что же... что же вам все-таки нужно?

Лэ Уя без лишних прикрас озвучил истинную цель:

— Виновные отправятся на плаху, соучастники — в ссылку, а вот угольный рудник ведь имеет корни и сам никуда не убежит, верно?

Лэ Уя прекрасно понимал: если он хочет обелить имя Вэньжэнь Юэ, то действовать в одиночку,

опираясь лишь на чистую совесть и праведный гнев, совершенно бесполезно.

Ему жизненно необходимы были союзники.

У Вэньжэнь Юэ не нашлось бы верных людей, а потому самым простым и верным решением было переманить на свою сторону того, кто управлял всей здешней канцелярией и стражей.

Например, заместителя Сунь Жу.

Вот только завлекать такого человека речами о «восстановлении справедливости и защите невинных» было верхом глупости, ведь лично для Сунь Жу в этом не крылось ни малейшей выгоды.

Этот чинуша признавал лишь власть и звонкую монету. А раз так, следовало заставить его поверить, будто уездный судья Вэньжэнь точно такой же прожженный и корыстный делец, как и он сам.

К счастью, в подобных играх Лэ Уя не было равных.

В этот момент потрясение Сунь Жу невозможно было описать словами.

Когда же этот Вэньжэнь Юэ умудрился нацелиться на рудник Сяофу, принадлежащий клану Чэнь?

В его голове лихорадочно завертелись мысли, возвращая его к событиям полугодовой давности.

Если судья Вэньжэнь уже тогда замыслил прибрать угольную шахту к рукам...

Получается, загадочная гибель Чан Сяоху полгода назад изначально была лишь идеальным поводом, дабы раздуть дело и отнять рудник у хозяев.

Вот только богач Чэнь проявил хватку, замял убийство под несчастный случай и заставил мать забрать иск. И тогда судья просто пошел на хитрость, натравив на рудник упрямого ученого Мина, дабы тот без умолку ворошил это дело.

...Ну конечно! Ученый Мин наверняка с самого начала действовал в сговоре с уездным судьей!

Иначе с чего бы этому книжнику так рьяно цепляться за гибель Чан Сяоху и столь гладко переписать свои признательные показания прошлым вечером!

Мин Сянчжао намеренно изводил хозяев шахты, отчего богач Чэнь потерял голову и пошел на крайние меры, обвинив парня в измене. Но именно этого уездный судья и дожидался! Он умышленно разыгрывал из себя благородного мужа, отказываясь подписывать материалы дела и затягивая следствие. И тянул он ровно до тех пор, пока глава округа не пришел в ярость, а сроки не прижали их к стене. И лишь в этот критический миг судья вытащил на свет заранее состряпанный донос, полный фальшивых улик, которые намертво перечеркивали будущее самого заместителя.

Все это разыгрывалось ради одной-единственной цели — силой заставить его, Сунь Жу, перейти в лагерь судьи!

Чего доброго, прежняя мягкотелость и покорность судьи перед местными чиновниками тоже были лишь притворством. Он просто наблюдал, как его заместитель прыгает от радости и мнит себя хозяином положения, а сам втихомолку посмеивался, выжидая идеальный момент для сокрушительного ответного удара!

От этих мыслей сердце Сунь Жу заколотилось как сумасшедшее, и он даже не заметил, с какой лукавой ухмылкой Лэ Уя наблюдает за ним.

Во рту у заместителя пересохло, по телу градом катился пот. В конце концов его колени не выдержали, и он с глухим стуком рухнул на землю прямо перед Лэ Уя.

Лэ Уя с полным спокойствием принял это изъятие покорности:

— Что ж, этот поклон от тебя, заместитель Сунь, за все время нашего знакомства можно назвать самым искренним.

...Он уже не видел нужды называть его по уставу.

Сунь Жу признал поражение, однако лишаться прежних плодов своих трудов и связей ему очень не хотелось.

К тому же...

Он прижался лбом к холодному полу беседки:

— Ничтожный раб прежде часто выказывал дерзость и пренебрежение, прошу вас судья, не покуситесь на мудрое наставление... Раньше я и впрямь водил дружбу с Чэнь Юаньвэем, и теперь опасаюсь... Если этого человека прижать к стене, он ведь может...

Он замялся, не решаясь высказать страхи вслух, однако Лэ Уя, за долгие годы изучивший повадки чиновничьей братии от и до, без труда завершил его мысль.

Он поднял стрелу и удерживал ее на уровне глаз:

— Заместитель Сунь, до чего же ты глуп.

Сунь Жу замер, не смея издать ни звука и приготовившись слушать.

— Прямо сейчас ты — представитель закона, а он — обычный простолюдин. И когда дело дойдет до суда, ты по-прежнему останешься чиновником, а он превратится в государственного преступника. У него на руках нет против тебя ни единой прямой улики, так что любая его попытка оговорить власти лишь усугубит его собственную вину.

Сунь Жу робко прощупал почву:

— Но ведь Чэнь Юаньвэй имеет степень цзюйжэня...

Лэ Уя рассмеялся:

— Я ведь тоже имею степень цзюйжэня, отчего же ты прежде ни капли меня не опасался?

У Сунь Жу снова мороз пробежал по коже, и не успел он открыть рот для оправданий, как Лэ Уя размеренно продолжил:

— Ах, я понял. Ты тревожишься, что за спиной богача Чэня стоят влиятельные люди в столице.

Сунь Жу выдохнул:

— ...Именно так.

Лэ Уя обманчиво мягко улыбнулся:

— Ты хочешь сказать, что те важные чины из столицы лично приказали Чэнь Юаньвэю забить человека до смерти на его руднике?

— Заместитель Сунь, ты слишком много накручиваешь. Он обычный помещный воротила, а не столичный сановник, и его хваленые связи в такой беде гроша ломаного не стоят. Когда все спокойно, они рады украсить его общество своим присутствием. Но стоит ему оступиться и полететь на плаху, эти люди станут делить с ним границы так резво, что пятки засверкают.

Договорив до этого места, Лэ Уя выдержал выверенную паузу.

— К тому же, если у него за спиной кто-то есть в столице, неужели ты думаешь, что у меня там никого нет?

Сунь Жу едва заметно приподнял голову и уставился на Лэ Уя. В его взгляде читалось немое, лихорадочное ожидание.

Он ведь только что наведалься в усадьбу Чэня, проверил все намеками и убедился: провинциальный судья Цзи действительно в точности такой, каким его описал начальник — упрямый, педантичный и повернутый на бамбуке.

Однако чужие слабости — секрет небольшой, судья мог просто разузнать об этом через третьи руки.

Вот если у начальника и впрямь имелась могущественная столичная опора, тогда он точно не задержится в этом захолустном Наньтине, и его скорое повышение лишь вопрос времени.

А значит... у самого Сунь Жу наконец-то появится реальный шанс продвинуться на ступеньку выше.

Охваченный жадностью, заместитель впился глазами в Лэ Уя.

Ему требовалось лишь одно последнее подтверждение.

Стоило получить эту заветную пилюлю уверенности, и он без лишних колебаний переметнется под чужое крыло.

Лэ Уя промолчал.

И сделал он это вовсе не из-за нежелания отвечать.

С тех самых пор, как его дух обрел новую жизнь в теле Вэньжэнь Юэ, он умышленно заставлял себя не вспоминать о знакомых лицах и делах минувших дней.

Все старые связи и былые чувства должны были кануть в небытие вместе с его казнью.

И пускай в его груди сейчас бушевал ураган мыслей, на лице не дрогнул ни один мускул.

Этому искусству маскировки он обучился еще в ранней юности, отточив его до совершенства.

В глазах Сунь Жу выражение лица начальника ничуть не изменилось, лишь взгляд на мгновение стал мягче, словно судью тронуло какое-то далекое, приятное воспоминание.

Спустя долгую паузу Лэ Уя лениво протянул:

— Господин заместитель наверняка дотошно изучил все мое прошлое. Я не посещал столичных академий, отец нанимал для меня учителей прямо на дом. А потому у меня есть лишь сокурсники по экзаменам, но нет близких друзей среди книжников, как нет и чиновной родни.

Сунь Жу, будучи человеком на редкость толстокожим, лишь неловко и приглушенно хмыкнул.

— Вот только с тем человеком нас связывают вовсе не дела министерские, а давняя личная дружба. К тому же он не из гражданских чинов, а из военных, так что господин заместитель зря тратил время на расспросы.

Раз не из гражданских, значит, военный?

В душе Сунь Жу вновь зароились сомнения.

Он всю жизнь только и делал, что пробивал себе дорогу по гражданской линии, а в делах армейских военачальников не смыслил абсолютно ничего.

— Дело было еще лет двенадцать назад. Он тогда был совсем юн, в одиночку мчался в земли Сучжоу и Ханчжоу ради редкого лекарства, загнав по дороге насмерть двух скакунов, так отчаянно пытался спасти жизнь своего лучшего друга. В лавке моего отца как раз нашлось десять первоклассных диких корней женьшеня, которые он и выкупил. С тех пор мы и водим с ним дружбу.

Сунь Жу судорожно перебирал в уме имена.

Из его весьма скудных познаний о генералах империи на ум приходили лишь двое.

Первым был клан Лэ. В последние годы по всем известной причине они вели себя тише воды, ниже травы, и то, что император не истребил весь их род под корень вслед за старшим сыном, уже считалось величайшей монаршей милостью.

А вот вторым генералом был...

— Его фамилия Пэй, — Лэ Уя вальяжно повел рукой. — Надеюсь, тебе знаком этот человек?

— Пэй... — Сунь Жу судорожно сглотнул. — Вы... вы имеете в виду... командующего гарнизоном в уезде Цинъюань... генерала Пэй Минци... Пэй Фэнью?

Губы Лэ Уя едва заметно дрогнули: ...

Он-то всего лишь рассчитывал прикрыться именем Маленького Феникса, дабы припугнуть здешнюю канцелярскую крысу.

Столица далеко, а уездный судья и боевой генерал фигуры из совершенно разных миров. Сунь Жу ни за что не осмелился бы явиться пред очи Пэй Минци, дабы лично проверить, знаком ли тот с каким-то мелким чиновником.

Но кто же знал...

Этому паршивому Пэю мало было получить назначение на границу, так обязательно нужно было встать лагерем именно здесь?!

Уезд Цинъюань ведь лежит под самым боком у Наньтина!

Пока Лэ Уя в душе отчаянно костерил Маленького Феникса, готовый заживо сожрать его за такое фантастическое невезение, Сунь Жу, напротив, находил всю эту историю более чем правдоподобной.

Ну конечно! Как же он сразу не догадался!

Уезд Наньтин вовсе не был каторжным или безнадежным местом, и пускай теплым его не звали, на такую живую должность обычно выстраивалась целая очередь из кандидатов. С какой стати какому-то выпускнику академии, купившему чин за мешки с рисом, выделили реальное судейское кресло?

Прежде из-за предвзятости Сунь Жу полагал, будто Вэньжэнь Юэ забросили в эту глушь из-за отсутствия покровителей и столичного презрения. Но теперь все вставало на свои места: это назначение наверняка тайно устроил сам молодой генерал Пэй, дабы держать близкого друга поближе к своему гарнизону!

Оставим в стороне прочее, но у судьи действительно имелась примесь крови племени Цзин, так что внешностью бог его точно не обидел.

А о Пэй Минци в народе и вовсе поговаривали, будто человек он со странностями: пускай карьера его казалась блестящей, да и возраст подошел солидный, однако он до сих пор не обзавелся ни законной супругой, ни даже наложницами...

Заместитель Сунь Жу вовремя оборвал эти неуместные мысли. Он окончательно успокоился и с величайшим почтением произнес:

— Господин судья, я все понял. Жду ваших приказаний, только скажите.

Лэ Уя к этому моменту тоже усмирил бушевавший в груди ураган мыслей.

— Кто изначально донес на ученого Мина?

Сунь Жу больше не смел крутить хвостом и ответил как есть:

— Местный уличный пройдоха. Якобы заглянул в кабак выпить вина и случайно услышал кое-что.

— Этот человек все еще здесь?

— Дело пока не закрыто, так что я велел ему безвылазно сидеть в городе и ждать вызова в суд.

Лэ Уя протянул:

— Вот как. А тот родственник из дела Чан Сяоху, который сосватал его на угольный рудник...

Сунь Жу мгновенно подхватил:

— Носит фамилию Гэ, в народе кличут просто Эрцы.

Лэ Уя спросил:

— Он уже подох или еще нет?

Услышав, с каким полным безразличием начальник рассуждает о чужой кончине, заместитель невольно занервничал и робко выдавил:

— ...Жив пока.

Лэ Уя уже мысленно приготовился к тому, что свидетеля успели убрать, и следующим вопросом собирался разузнать, не осталась ли у Чан Сяоху какая-нибудь тетка. А потому известие о том, что Гэ Эрцы до сих пор коптит небо, застало его врасплох:

— И почему же его до сих пор не заставили замолчать навсегда?

Лэ Уя происходил из потомственных военных, провел немало времени в походах и привык видеть смерть во всех ее проявлениях, а потому не испытывал перед ней ни малейшего трепета.

Однако Сунь Жу, хоть и славился своей жестокостью в кулуарах управы, оставался обычным гражданским чиновником.

От этих ледящих душу и будничных расспросов у него по коже пробежал мороз:

— ...В том не было нужды. Дело ведь закрыли, и если бы этот оборванец внезапно протянул ноги, это лишь привлекло бы ненужное внимание властей.

Лэ Уя хмыкнул.

Впрочем, справедливо.

Даже у отъявленных негодяев находятся свои покровители, а подобные уличные подонки наверняка частенько выполняли для местной знати разную грязную работу.

Если бы хозяева рудника после каждого дела вырезали своих исполнителей под корень, то в следующий раз дураков соваться в пекло среди бандитов бы не нашлось, те ведь тоже жить хотят. А без верных рук проворачивать темные дела стало бы куда сложнее.

— Стало быть, он тоже околачивается в черте города?

Сунь Жу взглянул на поднимавшееся к зениту солнце и, тщательно взвешивая слова, ответил:

— Именно так. Полгода назад, едва суд закрыл дело, он со страху сбежал из уезда на пару месяцев, но с первыми холодами снова объявился в родных краях. Вся эта шваль привыкла дрыхнуть до самого полудня. Ближе к вечеру они обычно тащатся в игорные притоны, дабы спустить там пару монет. Если повезет сорвать куш, всю ночь напролет пьют да развлекаются с девками в веселых кварталах. Ну а если проиграются в пух и прах, либо дрыхнут, либо шляются по торговым рядам уезда, вымогая деньги у знакомых лавочников.

Пускай Сунь Жу и был человеком с гнилым нутром, но в знании изнанки Наньтина равных ему точно не находилось.

У Лэ Уя от этих слов оживился взгляд:

— И под чьей рукой ходят здешние игорные дома? Надеюсь, ими заправляет не богач Чэнь?

Заместитель выложил все без утайки:

— Господин Чэнь в узком кругу не прочь перекинуться в кости или разложить партию в шуанлу, однако свое честное имя он свято бережет. К подобной грязной и низкой наживе, как

игорные притоны, он и близко не подходит. ...Все три злачных места в городе держит под собой семейство Ли.

— Семейство Ли?

— Торговцы мясом. Заправляет у них всем Ли Асы, человек весьма зажиточный. В прежние годы их клан числился среди первых богачей в Чэнду, вот только промышляли они в основном контрабандой и прочими сомнительными делишками...

Лэ Уя с ходу зрил в корень:

— Стало быть, отношения между кланами Чэнь и Ли, мягко говоря, оставляют желать лучшего.

Заместитель лишь заискивающе улыбнулся, предпочтя промолчать.

Лэ Уя мысленно усмехнулся: «О, похоже, они и впрямь готовы перегрызть друг другу глотки».

Будь на его месте кто-то другой, то непременно схватился бы за голову от осознания того, в какое змеиное кубло и запутанный узел интриг превратился этот крошечный уезд Наньтин.

Однако у Лэ Уя на душе, напротив, мгновенно полегчало.

Хаос?

Да чем хуже, тем лучше!

Лэ Уя поднялся со скамьи и крутанул в пальцах последнюю, так и не выпущенную стрелу:

— Зови дежурных стражников из караулки.

Сунь Жу проявил редкую исполнительность:

— Слушаюсь. Кого именно прикажете доставить, господин судья? Я незамедлительно отправлю людей.

Лэ Уя качнул головой:

— Не нужно. В каком притоне чаще всего околачивается этот Гэ Эрцы? Я самолично отправлюсь брать его.

Заместитель судьи судорожно сглотнул.

К этому моменту он больше не отваживался сомневаться в силе и способностях своего начальника, а потому попытался возразить полущутя-полусерьезно:

— Судья неужто не доверяете своему покорному слуге? Я клятвенно заверяю, что исполню все в лучшем виде, и ни одна живая душа не узнает об этом деле ни единого слова.

Лэ Уя лишь лукаво улыбнулся в ответ.

Этот проныра Сунь Жу славился умением сидеть сразу на двух стульях. И если уж он крутил дела с богачом Чэнем, то наверняка не упускал возможности погреть руки и возле мясника Ли Асы.

И если бы прежний Вэньжэнь Юэ не был таким беспросветным простаком, честным до мозга костей праведником, да еще и с этой купленной должностью, не сулившей никаких карьерных высот, этот изворотливый заместитель ни за что не сумел бы выжить его из управы и зажать в тиски.

Сунь Жу так отчаянно рвался на задержание лишь потому, что рассчитывал задействовать свои старые связи и кулуарные уговоры, дабы по-тихому, без лишнего шума притащить Гэ Эрцы в управу.

Вот только замысел Лэ Уя в корне отличался от его мыслей.

— Я отправляюсь громить притон, и тебе, заместитель Сунь, соваться туда явно не с руки.

Сунь Жу опешил:

— ...Громить притон?!

Его голос от изумления сорвался на высокую ноту.

Лэ Уя напустил на себя самый благочестивый и праведный вид:

— Уложения Великой Ю четко гласят: игорный промысел карается по всей строгости закона. Неужто господин заместитель до сих пор плохо знает устав нашей империи?

Сунь Жу промолчал.

Да кто в поднебесной не знает, что кости крутить запрещено?

Вот только не будь этого запрета, с какой стати Ли Асы стал бы круглый год исправно запечатывать увесистые мешки с серебром и безропотно приносить их на задний двор судейской управы?

Заместитель быстро повел глазами, решив не перечить начальнику в лоб:

— В подобных заведениях полно отчаянного и грубого сброда, судья, вам следует проявить крайнюю осторожность, дабы ненароком не пострадать...

Лэ Уя бесцеремонно прервал его:

— О себе я позабочусь сам. Но скажи мне, заместитель Сунь, когда я соберу стражу и отправлюсь переворачивать этот притон вверх дном, ты ведь не решишь совершенно «случайно» сбегать туда и предупредить хозяев?

Сунь Жу замер.

Его истинные намерения безжалостно вытащили на свет, и ему оставалось лишь изобразить на лице крайнюю беспомощность:

— Судья, ну зачем же вам так открыто наживать себе новых врагов?

— Мне? Да я и не думал с ними враждовать, — Лэ Уя вновь выдал фразу, от которой у заместителя земля ушла из-под ног. — Разве до нас не дошло тайное донесение, что в стенах этого игорного дома прячут запрещенные книги? Я всего лишь устрою проверку, а заодно прикрою лавочку и знатно пополню уездную казну за счет их сбережений. Разве плохо выйдет?

Сунь Жу едва не покачнулся, готовый рухнуть прямо на месте.

Из какого еще пекла вылезла вторая запрещенная книга?!

Этот судья что, пристрастился душить всех подряд через статьи о мятеже?!

Он дрожащим голосом выдал вопрос:

— И кто же... совершил этот донос?

Лэ Уя лукаво прищурился:

— Разумеется, ты.

Заместитель судьи мгновенно переменился в лице от ужаса, но Лэ Уя неторопливо и размеренно добавил:

— Ну, конечно, если господин заместитель умеет держать язык за зубами, мы можем записать, будто доносчиком выступил сам богач Чэнь. ...Как тебе такой расклад?

Сунь Жу окончательно затих.

Теперь он яснее ясного видел, что этот безвольный барин на самом деле был человеком непредсказуемым, как ночная тьма, и стремительным, словно удар молнии. Мало того, он обладал железной выдержкой, столько времени притворялся покорной овечкой лишь ради того, чтобы в нужный миг нанести один сокрушительный удар.

Если он не хочет, чтобы начальник стер его в порошок, лучше держаться подальше от этого пламени.

Заместитель и понятия не имел, что этот пугающий и опасный человек обживает новое тело всего-навсего половину дня.

Сунь Жу снова согнулся в глубоком поклоне:

— Прошу вас, господин судья, найдите для своего покорного слуги какое-нибудь иное поручение.

Лэ Уя без промедления согласился:

— Идет. Тогда добудь мне Чан Сяоху.

Разум Сунь Жу к этому моменту уже окончательно оцепенел от ужаса:

— Но ведь Чан Сяоху мертв уже как полгода...

Лэ Уя ответил с полнейшим хладнокровием:

— Раз мертв, значит, выкопай его.

Заместитель едва не покачнулся от шока:

— Да тело его в могиле давно сгнило...

Лэ Уя парировал:

— Но кости-то ведь еще целы, не так ли?

— Да нет же... — с огромным трудом выдавил Сунь Жу, — матушка Чан Сяоху, женщина из рода Су, все еще жива.

Она ведь признанная пострадавшая. В свое время под натиском угроз и щедрых посулов она с трудом, но проглотила эту горькую обиду. Если теперь несчастная женщина увидит, как останки ее единственного сына без всяких на то причин извлекают из могилы и увозят в неизвестном направлении, она непременно сойдет с ума от горя и поднимет страшный бунт!

Вот только Лэ Уя посмотрел на него с искренним, неподдельным изумлением:

— Заместитель Сунь, до чего же у тебя короткая память. Что ты сам мне только что доказывал?

...Что?

— Ты ведь сам изволил заявить: «Закон суров, и то дело давно закрыто. Согласно вековым традициям судопроизводства, повторное рассмотрение завершенных процессов не допускается», — Лэ Уя с поразительной точностью скопировал его недавний высокомерный тон. — Дабы возобновить расследование гибели Чан Сяоху, мне жизненно необходим веский повод. Если вдова Су не явится в суд, кто тогда выступит в роли законного истца?

Сунь Жу онемел.

У него на голове волосы встали дыбом.

На сколько же шагов вперед этот человек просчитал всю партию?

...Во время прошлых допросов прежний судья Вэньжэнь всячески опекал вдову Су, держался с ней мягко и явно принимал ее сторону. И то, что она в итоге забрала иск, было лишь следствием ее собственного безвыходного положения, у несчастной просто не оставалось иного пути.

Тогда Вэньжэнь Юэ несколько раз переспрашивал женщину, действительно ли она твердо решила отказаться от обвинений, явив себя исключительно чутким и заботливым заступником народа.

А потому, когда начнется осквернение могилы, вдова Су ни за что не подумает на уездного судью. Она будет свято уверена, будто все это надругательство личная инициатива его заместителя!

Сунь Жу до хруста стиснул зубы от бессильной злобы.

До чего же изощренный, дьявольский расчет! Все благородные и добрые дела этот барин оставляет себе, категорически отказываясь марать руки и брать на себя хоть каплю дурной славы!

Вот только отказаться от этого поручения заместитель не имел ни малейшего права.

Этот ушат грязной жижи, способную навлечь на виновника проклятия всей округи, уездный судья наотрез отказался принимать на себя, а значит, Сунь Жу оставалось лишь скрепя сердце подставить собственную голову.

К тому же...

Как и следовало ожидать, в следующее мгновение до его ушей донесся обманчиво мягкий голос Лэ Уя:

— Заместитель Сунь, это наше первое общее дело. И только если мы сработаемся как надо, у нас появится право говорить о будущем.

Сунь Жу с огромным трудом заставил свои ослабевшие ноги распрямиться:

— ...Слушаюсь. Ничтожный раб сию минуту отправится все подготовить.

— Когда извлечете останки, вези их прямоком в ледник при похоронном амбаре, — напутствовал его Лэ Уя. — И смотри, держи язык за зубами.

Заместитель, который уже слишком долго пребывал в положении безвольной жертвы, от этих слов ощутил, как в его груди закипает глухая, праведная ярость.

Ему предстояло взять людей и отправиться на откровенное кощунство — разрывать чужую усыпальницу. Если не держать это дело в строжайшей тайне да еще и не осыпать стражников весомыми монетами ради умиротворения, ни одна живая душа из караулки попросту не пойдет за ним на кладбище!

И если дойдет до того, что ему, заместителю судьи, придется самому хвататься за лопату и разрывать чужую могилу, это станет несмываемым позором для его чиновничьего звания!

Он едва слышно выдавил слова согласия и поспешил покинуть прохладную беседку.

Сам того не заметив, Сунь Жу снова успел покрыться ледяным обильным потом.

Пока он шел вперед, то и дело утирая лицо широким рукавом, со стороны спины донесся едва различимый, тонкий свист рассекаемого воздуха.

Со звонким стуком брошенная рукой Лэ Уя стрела даже не задела краев кувшина, вонзившись ровно в самую сердцевину сосуда.

— ...И еще одна деталь. Будь добр, заместитель Сунь, распорядись подготовить для меня верного коня и боевое снаряжение. Мне нужен легкий лук, силы натяжения в пять линий* будет вполне достаточно.

ПП: В древнем Китае один «линь» (единица силы натяжения) был равен ровно 9–10 китайским цзиням, что в переводе на современную метрическую систему составляет примерно 5—6 килограммов (или около 11–13 фунтов силы — lbs).

В павильоне Сихай — самом роскошном и дорогом питейном заведении уезда Наньтин, Шестой и Седьмой принцы, облаченные в простые гражданские платья, созерцали расстилавшуюся внизу пыльную городскую улочку, напоминая благородных господ из знатных столичных родов.

По правую руку от каждого из них неподвижно застыли личные гвардейцы. И пускай на воинах были надеты самые обычные холщовые рубахи и короткие порты, в каждом их движении отчетливо сквозь кожу проглядывала выправка бывалых бойцов, отчего никто из местных завсегдатаев не отваживался приближаться к их столу.

В самом конце улицы внезапно раздался звонкий, отчетливый стук конских копыт.

Седьмой принц обернулся к окну и с живым, искренним интересом протянул:

— О, Шестой брат, гляди-ка, похоже, там кого-то брать собираются.

С тех самых пор, как утренние вести дошли до его ушей, Шестой принц не проронил ни единого слова.

Впрочем, подобное угрюмое молчание всегда оставалось его привычным состоянием, а потому окружающие давно перестали обращать на это внимание.

Шестой принц устремил взор туда, откуда доносился стук копыт.

И стоило ему сделать это, как он уже не смог отвести глаз.

Возглавлявший кавалькаду чиновник был облачен в лиловое парадное платье, расшитое чистым серебром. Сверху вниз удавалось разглядеть лишь половину его лица, однако исходившее от него ощущение дикой удали и бьющего через край высокомерия буквально приковывало к себе взгляд.

Седьмой принц тоже замер, навалившись грудью на перила павильона.

Он едва слышно позвал брата:

— ...Шестой брат.

Шестой принц медленно поднял чашу с чаем:

— Хм.

И пускай их характеры никогда не ладили, они все же были рождены от одной матери, и в этот миг между ними возникло то самое пугающее и негласное единомыслие.

Сейчас в их головах крутилась одна и та же мысль:

«Хитринка, промелькнувшая в чертах этого мелкого уездного судьи, неуловимо напоминала того самого человека».

Вот только покойный при жизни никогда не вел себя столь залихватски и задорно.

<http://bllate.org/book/18193/1759520>